

- линские депортации 1928–1953 гг. Документы...», док. 4.27.
11. Алазан В. Хожение по мукам (Воспоминания). Ереван Хорурдаин грох, 1990. 238 с. (на арм. яз.).
 12. Алексанян А. Сибирский дневник: 1949–1954 гг. / науч. ред. Э.-Б. Гучинова, А. Т. Марутян. Ереван Изд-во «Гитутюн» НАН РА, 2007 (Антропология памяти, вып. 1). 408 с.
 13. ИЦ МВД Томской области, Д. 42403 (на обложке – Алексанян Арпенник Араевна), Л. 35 (регистрационный лист № 16).
 14. Советская жизнь в устных историях: сборник материалов / сост., коммент., ред., предисл. Г. Харатян. Ереван: ИАЭ, 2019. 671 с.
 15. История Евгения и Амаяк Варданян // Armenia Total(itar) is Պաշտոնական Կայք [Электронный ресурс]. URL: <http://www.armeniatotalitaris.am/?p=2084> (дата обращения: 15.08.2020).
 16. История Гарника Шахназаряна // Armenia Total(itar) is Պաշտոնական Կայք [Электронный ресурс]. URL: <http://www.armeniatotalitaris.am/?p=3912> (дата обращения: 15.08.2020).
 17. История Нойем Аршакаян // Armenia Total(itar) is Պաշտոնական Կայք [Электронный ресурс]. URL: <http://www.armeniatotalitaris.am/?p=1726> (дата обращения: 15.08.2020).
 18. История Шогер Закарян // Armenia Total(itar) is Պաշտոնական Կայք [Электронный ресурс]. URL: <http://www.armeniatotalitaris.am/?p=1724> (дата обращения: 15.08.2020).
 19. История Завена Аракеяна // Armenia Total(itar) is Պաշտոնական Կայք [Электронный ресурс]. URL: <http://www.armeniatotalitaris.am/?p=3917> (дата обращения: 15.08.2020).
 20. История Мрава Микаеляна (Записала Гоар Степана в 2015 г. в Степанакерте. Запись хранится в архиве Ин-та археологии и этнографии НАН РА).
 21. Трушкова И. Ю. Традиционные костюмные комплексы Вятского края: проблемы формирования, взаимовлияния, современного состояния) // История и культура Вятского края. Т. 2. Москва; Киров: Академический проект-Константа, 2005. С. 293–512.
 22. Устюгов Н. В. Ремесло и мелкое товарное производство в Русском государстве XVII в. // Исторические записки. М., 1959, № 34, С. 116–197.

УДК: 39 (571.150)

DOI 10.37386/2687-0592-2020-10-243-253

Т. К. Щеглова

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Российская Федерация

Этнические депортации в Алтайский край: этапы, состав, численность, особенности размещения (1939–1956 гг.)¹

Аннотация. В статье рассматриваются принудительные этнические переселения в ходе спецопераций на территорию Алтайского края из европейской части СССР в контексте общей государственной репрессивной депортационной политики в предвоенный, военный, послевоенный периоды. Выявляется состав и численность депортируемого населения, время ссылки и места вселения на Алтае. Подчеркивается, что особенностью депортационных переселений являлось дисперсное размещение депортируемых семьями по территории региона с охватом почти всех районов и сельских поселений региона. Основным способом решения проблемы обустройства в местах высылки являлось подселение в жилища местного населения за счет уплотнения. Предполагается, что полиэтничный состав депортируемых, выселяемых как неблагонадежные или виновные, с расселением в городских и сельских обществах создавал особую ситуацию в повседневной жизни сибирского общества. Автор приходит к выводу, что назрела необходимость изучения в контексте депортаций принимающего сельского и городского общества Алтайского края, как и Сибири в целом, его адаптации к новым условиям и факторам, обусловленным депортацией с ее влиянием на культуру, быт, условия жизнедеятельности и жизнеобеспечения сибирского общества в экстремальных условиях. **Ключевые слова:** депортационные операции, этнические депортируемые, численность, состав, сельское общество, особенности вселения и размещения.

Актуальность. На формирование этнического состава населения Алтайского края на протяжении всей истории влияли переселения и миграции – добровольные, принудительные и добровольно-принудительные. Процессы переселений сопровождалась как притоками, так и оттоками этнических переселенцев, которые так или иначе оставляли свой след

в культуре и памяти населения края. В региональной историографии этнические компоненты переселений изучены недостаточно. Наиболее полно проанализирован состав крестьянских переселений, и прежде всего по столыпинской реформе начала XX столетия – как в совокупности всех потоков крестьянского населения, так и в изучении в составе этих потоков отдельных народов: немцев (В. Н. Шайдунов [1]), украинцев (Н. С. Грибанова, И. В. Чернова и др. [2]), белорусов (Е. Ф. Фурсова [3]), мордвы (М. А. Овчарова [4]) и др. Меньше внимания уделялось этническому составу крестьянских переселений вто-

¹ Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РГНФ/РФФИ № 16-21-200001 «Армянская депортационная кампания 1949 года и ее отражение в исторической памяти».

рой половины XIX в., организованным сельскохозяйственным переселениям в советское время или при освоении целины и т. д., не говоря уже об этническом составе XVII – первой половины XIX столетия, который трудно идентифицировать. Этнографы в ранней истории чаще пользуются этнотерриториальными терминами из письменных документов или предполагают об этнической принадлежности по косвенным признакам – конфессиональной принадлежности, антропонимам, местам исхода, языку и т. д.

Цель работы – проанализировать этнические депортации, т. е. принудительные выселения на территорию Алтайского края в середине XX столетия. Для достижения цели поставлены ряд задач, решаемых в контексте совокупности депортаций, из которых не все коснулись территории Алтайского края. Поэтому в статье выявляются этапы и спецоперации, которые предполагали выселение депортируемых на территорию края, этнический состав и численность депортируемых, а также особенности их размещения на территории региона. При этом решение всех этих задач необходимо для изучения такой назревшей проблемы региональной истории, как определение влияния этнических депортантов на принимающее сельское и городское общество алтайского региона, его культуру, быт, поведение, а также вклад в развитие экономики, социальных отношений и т. д., поскольку именно эти аспекты депортации слабее проработаны как на общероссийском, так и на региональном уровне. Традиционно в центре внимания историков находится история депортаций со стороны депортируемых – условия их выселения, организации и условий вывоза в места ссылки, историко-статистические характеристики. Даже в последнем издании трехтомной «Истории Алтайского края» депортации полностью выпали из исследования, хотя и в индивидуальной, и в социальной памяти населения Алтайского края, и городского, и сельского, депортации занимают не последнее место [5]. Этнографы больше внимания уделяют влиянию переселений на сибирское общество, в том числе этнических миграций и переселений в дореволюционный период. Поэтому необходим взгляд с другой стороны – со стороны сибирского общества.

Хронологические рамки исследования охватывают время, так или иначе связанное с войной – Второй мировой и ее составной частью – Великой Отечественной. Фактически толчком к началу этнических депортаций являлся пакт Молотова и Риббентропа 1939 г., по которому к СССР были присоединены части западных территорий Украины, Белоруссии, Молдавии, а также государств Прибалтики с последующей зачисткой и выселением социально и политически опасных элементов в Сибирь и в советские республики Азии. Процесс депортаций на Алтай, т. е. перемещение населения с других территорий европейской части СССР, затянулся до 1949 г., а сама ссылка продлилась до 1956 г.

Территориально исследование охватывает Алтайский край, занимающий юг Западной Сибири.

Местоположение региона и для депортируемого, и для принимающего населения было важным фактором их адаптации к ссылке, так как он отличается более мягким климатом, имеет благоприятные условия и высокий уровень развития сельского хозяйства, преобладающее сельское население с развитыми традициями хлебопашества. В отличие от других регионов, его территория не входила в зону больших лесозаготовок, развитой промышленности, где прежде всего использовался труд ссыльнопоселенцев. Отчасти этим же объясняется и отсутствие развитой сети лагерей (Сибулон, Сиблаг, ГУЛАГ) на его территории. Поэтому зоной применения труда депортируемых стал аграрный сектор, преимущественно его совхозная система, а также колхозная сеть поселений. Все эти факторы были важны для установления контактов, взаимопонимания и дальнейшего взаимодействия депортируемого населения с местным. В других сибирских регионах, где труд ссыльных использовался в основном в промышленности и на лесозаготовках, принципы размещения и жилищного обустройства несколько отличались от условий расселения в Алтайском крае.

Исследование базируется на совокупности источников. Это прежде всего статистика, опубликованная как в тематических сборниках, так и в работах ведущих историков депортации. Часто фамилии авторов монографий и составителей историко-статистических сборников совпадают. Это работы таких историков, как В. Н. Земсков [6], Н. Ф. Бугай [7], П. М. Полян [8]. На уровне Сибири и Алтая – это работы В. И. Бруля [9] Н. Н. Аблажей [10, 11], С. А. Крайильникова [12], С. А. Папкина [24], А. С. Иванова [13] и др. Определенный прорыв в изучении этнических депортаций произошел в 2010 г. В серии сборников под редакцией Н. Н. Аблажей, А. Блюма «Миграционные последствия Второй мировой войны: этнические депортации в СССР и странах Восточной Европы» (Новосибирск: Наука. 2012–2014 г. Вып. 1–3) появился материал о депортации на территории ряда сибирских регионов – Иркутской и Новосибирской областей, Бурят-Монголии, Алтайского края и др. Очень информативным является историко-статистическое издание под ред. А. Г. Сыщенко [14].

Вспомогательную роль играли полевые материалы историко-этнографических экспедиций 1990–2019 гг. Депортации попадали в сферу внимания автора в ходе полевых исследований при реализации программ «Города и села Алтайского края: историко-культурное наследие» (с 1990 г.), «Народы Алтая: история и культура» «Депортации и репрессии на Алтае» (с 1991 г.). В последние годы изучение депортации в индивидуальной и социальной памяти сельского населения стало одной из ведущих тем экспедиционных исследований в ходе реализации программы «Антропология экстремальности: адаптационные практики, замещающие технологии и народная система преодоления трудностей сельского населения в контексте исторических событий XX столетия». Накоплен значительный источ-

никовый материал устной истории. Кроме того, появились и работы в области методолого-концептуальных подходов в изучении депортаций через память (А. Ассман), которые реализовывались российскими исследователями, например, через травматические места памяти депортируемых калмыков [15] или армян [16].

Депортации по времени ссылки охватывают предвоенный, военный, послевоенный периоды. По видам они делятся историками на привентивные (предупреждающие) депортации (народы Прибалтики, Молдовы, Западной Украины и Белоруссии, вошедшие в состав ССР по пакту Молотова и Риббентропа, и немцы) и депортации возмездия (карачаевцы, крымские татары, калмыки, чеченцы, ингуши, народы Прибалтики, Молдовы, Западной Украины и Белоруссии и др.). Однако такая классификация не охватывает все этнические депортации.

Территория Алтайского края использовалась для размещения ссыльных всех видов депортаций. Однако ряд этнических депортаций не затронули территорию региона. В частности, депортируемых карачаевцев и крымских татар расселили в Казахстане и Киргизии. Фактически лишь западных районов Алтайского края (Кулунды) коснулось размещение депортированных чеченцев. Как известно, в намечаемой операции «Чечевица» (23 февраля 1944 г.), когда перемещалось почти полмиллиона вайнахов (чеченцев и ингушей), больше половины из них планировалось поселить в Западной Сибири: 200 тыс. чел. в Новосибирской области, по 35–40 тыс. чел. — в Алтайском и Красноярском краях и в Омской области. Но, как пишет П. М. Полян, «эти регионы, видимо, сумели уклониться, и в плане, представленном Берии в середине декабря, дислокация была совершенно иной, напоминающей „карачаевскую“: горцев распределяли между областями Казахстана и Киргизии» [8, с. 122]. Поэтому лишь незначительные группы чеченцев, судя по памяти сельского населения, попали на территории западных районов Алтайского края, тогда как по границе с ними в сопредельном Казахстане, на территории Восточно-Казахстанской и Павлодарской областей, их было достаточно много. Так, «прибывшие спецпереселенцы-чеченцы были расселены в районах Восточно-Казахстанской области. Наибольшее количество спецпереселенцев было размещено в Лениногорском (2481 семей, 10 937 чел.), Кировском (с учетом п. Аблакетка 1569 семей, 6542 чел.), Верх-Убинском (525 семей, 2193 чел.) районах, в которых преобладало русское население, но также были населенные пункты со смешанным населением. В приграничных районах с преобладанием казахского населения чеченцы не размещались» [17, с. 131].

Существуют и другие «белые пятна» в процессах высылки и размещения депортируемых в регионах Сибири и Дальнего Востока. Встречаются косвенные свидетельства об использовании территории Алтайского края в ряде операций, которые по официальным документам не включали регион в спи-

сок для размещения ссыльных. Например, по операции «Весна», которая началась 22 мая 1948 г. в Литве с целью ослабления и полной ликвидации националистических группировок на территории Литовской ССР, выселение из республики так называемых «лесных братьев», членов их семей и любых «пособников антисоветских партизан вообще, включая кулаков», предполагалось в Красноярский край, Иркутскую область и Бурят-Монгольскую АССР. Всего в Сибирь было выселено 49 331 чел. [18], по другим данным — 39 766 чел. [19]. Цифры до сих пор по понятным причинам остаются в эпицентре дискуссий. Однако есть устные источники, которые описывают выгрузку депортируемых литовцев из эшелонов на Алтае: «Мы проехали через Уральские горы, и мамы начали плакать: „Это уже Сибирь!“ Мы ехали примерно две недели. Нас высадили в Барнауле и отвели за город — в огороженное поле. По краям — вышки, в каждой из которых стоял вооруженный солдат. Нас поселили в палатках — по четыре-пять женщин с детьми в каждой. На другой день маму куда-то вызвали. Я изнервничалась, потому что не знала, что делать с маленьким братом. Через какое-то время нас перевели в город и поселили в очень холодный подвал. Из еды нам выдавали только по 200 граммов хлеба на человека. В том подвале мы прожили почти месяц» [20].

Депортационные выселения отличались от предыдущих ссылкой принципами размещения ссыльных, что решающим образом влияло на сибирское общество. В предыдущие 1920–1930-е гг. всех ссыльно-репрессированных размещали в пунктах созданной сети закрытых лагерей, сведя к минимуму их контакты с местным населением. Многомиллионные депортации обусловили проблему решения жилищного вопроса и размещения депортируемых. С этой проблемой сопрягалась проблема обеспечения рабочей силой сибирской промышленности, сельского хозяйства, лесозаготовительной отрасли, работающих на фронт. И какая из них была решающей, еще предстоит задуматься. По мере вычерпывания мобилизацией на фронт трудоспособного мужского населения Сибири и Алтайского края потребности в рабочей силе в определенной степени решались за счет депортируемых. Все это в совокупности вылилось в рекомендации размещения населения, в том числе за счет «подселения и уплотнения», т. е. вселения депортируемых в жилые дома местных сельчан. Прибывающих в эшелонах депортируемых со станции часто распределяли многоступенчато, с перевалкой из одного пункта в другой: сначала их группировали на станциях по районам, затем в райцентрах по селам. При отсутствии предварительной проработки вопроса о расселении их могли перемещать неоднократно из одного населенного пункта в другой, но приоритет отдавался государственному предприятиям, а среди аграрных — совхозам. На Алтае показательным является обеспечение рабочей силой за счет депортируемых свеклосовхозов Топчихинского, Зонального, Косихин-

ского, Третьяковского и других районов, о чем автор писала неоднократно [21]. Остро вставшая жилищная проблема привела к тому, что депортируемых отправляли и по населенным пунктам с колхозным хозяйством.

Поэтому особенностью депортационных ссылок являлось дисперсное распределение депортируемых с использованием сельской поселенческой инфраструктуры и ее жилого фонда. Именно этот фактор и приводил к тесному общению прибывших и принимающих. Это антропологическое содержание исторических событий, связанных с депортацией, является перспективным в изучении сибирского общества и населения алтайского региона. Необходимо выявить масштаб размещения депортируемых, их численность и состав. В дальнейшем предстоит картографировать на основе реконструкций расселение депортируемых. В данной публикации предпринимается попытка обобщить имеющийся материал и поставить проблему для последующих исследований.

Депортации с западных территорий Белорусской, Украинской и Молдавской ССР и Прибалтики

Предвоенные депортации производились четырьмя волнами с западных территорий, вошедших в состав СССР накануне войны. Поэтому часто их целью называли «зачистку присоединенных территорий» с последующей советизацией. С Алтайским краем связано три спецоперации. Первая относится к первой волне предвоенных депортаций — февраль-июль 1940 г. с территорий бывшего Польского государства — западных областей УССР и БССР. Среди депортированных на Алтай больше всего было поляков — это были польские «осадники», как называли польские семьи, получившие после советско-польской войны 1920–1921 гг. на Западной Украине и в Западной Белоруссии в качестве награды за военную службу в собственности земельные наделы, и «лесники», имеющие преимущественно польские корни; позже к ним присоединили «беженцев» (представителей чуждого социального происхождения — банкиров, торговцев, промышленников), преимущественно еврейское население с территорий отошедшей Германии «бывшей Польши», прибывшее на территорию западных областей Украины и Белоруссии после 1 сентября 1939 г., но отказавшееся взять советское гражданство [22, с. 16]. Общее количество депортированных в это время составляло 20 509 семей, или 108 838 чел. [22, с. 124]. В Алтайский край прибыло первоначально 1250 семей спецпереселенцев, что составило 6171 чел. (по данным на 1 апреля 1940 г.) [23, с. 130–131]. Прибывших расселили в 44 спецпоселках. На следующий год в Алтайском крае (на 1 января 1941 г.) проживало 10,1 тыс. бывших польских граждан (2451 семья), из них 6 тыс. (1291 семья) «осадников», 4085 чел. (1160 семей) «беженцев» [24, с. 141]. Для сравнения приведем показатели данной спецоперации по Новосибирской области — 19,6 тыс. чел., Омской области — 8,5 тыс., Красноярскому краю — 14,8 тыс., Иркутской обл. — 2,9 тыс. [25].

Всего за весь период 1940–1941 гг. высылке, по данным сибирских историков, подверглось 350–380 тыс. бывших польских граждан.

Вторая волна предвоенных депортаций в июне 1940 г. была связана с выселением граждан «инонациональностей» из города Мурманска и Мурманской области. Под гражданами «инонациональностей» подразумевался полиэтничный контингент поселенцев. Так, в Алтайский край отправили на поселение 675 семей или 1743 человека — немцев, поляков, китайцев, греков, корейцев [8, с. 99] и расселили их в Локтевском (326 семей), Змеиногорском (150 семей), Курьинском (199 семей) районах [8, с. 26–27]. По мнению П. А. Поляна, численность этих инонациональностей, отправленных в Алтайский край, составляла от 5 до 10 тыс. чел. [8, с. 246]. В четырех сибирских регионах (Красноярский и Алтайский край, Новосибирская и Омская области) сосредоточилась и основная часть депортированного в начале войны финского населения. Всего, по подсчетам этого же историка, из Ленинградской области было выселено в 1941 г. немцев и финнов до 91 тыс. чел., в том числе в Алтайский край [8, с. 154, 246].

Третья спецоперация с выселением на Алтай связана с депортациями в июне–июле 1941 г. антисоветского элемента из Литвы, Латвии, Эстонии (в ходе этой депортации также параллельно выселяли из Белорусской, Украинской и Молдавской ССР). Как известно, по трем прибалтийским республикам было арестовано 14 467 чел., выселено 25 711 чел., всего репрессировано 40 178 чел. [26, с. 404–405]. В Алтайский край было отправлено 9802 чел., преобладали литовцы. Ссылные были распределены в Карасукском¹, Славгородском, Кулундинском, Бурлинском, Барнаульском, Рубцовском, Алейском, Пospelихинском, Повалихинском, Шипуновском и других районах. Их труд использовался преимущественно в совхозах и на предприятиях местной обрабатывающей промышленности. Тем не менее за период июньской депортации 1941 г. на Алтай прибыл спецконтингент также из белорусов и поляков. В целом, по данным УНКВД, к сентябрю 1941 г. в Алтайском крае насчитывалось 17 446 спецпоселенцев (только из Белорусской ССР — 9984 чел., из Литовской ССР — 7462 чел.). По найденным данным, ссылные были сосредоточены в Барнауле — 4434 чел., в четырех районах: Барнаульском — 743 чел., Троицком — 3841 чел., Каменском — 1016 чел., Рубцовском — 695 чел., Старо-Бардинском — 994 чел. и в Ойротской автономной области (совр. Республика Алтай) — 1423 чел. В остальные районы Алтайского края направляли спецпоселенцев

¹ В 1925 г. на территории нынешнего Карасукского района был образован Черно-Курьинский район с центром в селе Черно-Курья в составе Славгородского округа Сибирского края, Карасукским районом тогда назывался нынешний Краснозерский район. В 1929 г. район был перенесен из с. Черно-Курья в пос. ст. Карасук. В 1933 г. район был переименован в Карасукский. В 1937 г. район был включен во вновь образованный Алтайский край, а в 1944 г. — в Новосибирскую область

Рис. 1. Польский участок на кладбище в с. Солонешное, 1940-е гг. Солонешенский район Алтайского края. В первой половине 1940 г. в Солонешное на спецпоселение были направлены депортированные поляки, позднее здесь размещался пункт вербовки в Армию Андерса. Сельское кладбище, где хоронили и умерших польских ссыльных, находится на покато́м холме. Известно имя польской ссыльной Халины Зарембы, которая была похоронена здесь. По просьбе ее дочери Хелены Сидорчук (Helena Zareba-Sidorczuk) о. Анджей Обуховский, настоятель Римско-католического прихода Св. Иоанна Крестителя в Бийске, посетил Солонешное в 2005 г. и сделал фотографии заброшенного кладбища. Сведения о похороненных здесь поляках имеются в районном загсе. Информация на 2013 г. <http://www.gulagmuseum.org/showObject.do?object=294082144&language=1>.

в среднем по 100–150 чел. [23, с. 237–238]. В. В. Сарнова опубликовала данные, что на учете в ОТСП УНКВД по Алтайскому краю к концу 1942 г. находилось 1394 семьи ссыльнопоселенцев (3800 чел.) только из трех прибалтийских республик, из них трудоспособных 1486 чел., инвалидов, живущих на иждивении, — 334, детей до 16 лет — 2080. Ссыльнопоселенцы были расселены в 33 районах края и Ойротской АО. И так же как большинство ссыльнопоселенцев, они были трудоустроены в совхозах, МТС, «Заготзерно» — 500 чел., в лесхозах — 986 чел. [27, с. 158].

Военные депортации. Депортации немцев Поволжья, Ростовской области и других территорий европейской части СССР

Особенностью депортированных немцев было то, что они не являлись монолитной этнической группой, что было обусловлено историческим прошлым российских немцев. Немцы появились в России в разное время, с разных территорий раздробленной Германии, с разными целями (от потомков рыцарских ордеров в Прибалтике до земледельцев на землях Войска Донского) и расселились на удаленных российских территориях, накапливая разницу в языках и культуре. В социально-экономическом и культурном развитии Алтайского края немцы уча-

ствовали с XVIII столетия. По данным П. М. Поляна, накануне войны на Алтае их проживало 29 тыс. чел., в Казахстане — 92 тыс. чел., в Омской обл. — 59 тыс. чел. [8, с. 113], по переписи 1939 г. — 33 203 чел. [28].

Основанием к выселению немцев с европейской части СССР послужил Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 авг. 1941 «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья»¹, действие которого распространялось на немецкое население АССР немцев Поволжья, а также Саратовской и Сталинградской обл. НКВД разработал и принял «Инструкцию по проведению переселения немцев, проживающих в АССР немцев Поволжья, Саратовской и Ста-

¹ Хотя этому предшествовали выселения в первой половине августа 1941 г. из Крыма на Северный Кавказ под видом эвакуации 53 тыс. немцев, а из Ленинграда и его пригородов — 96 тыс. чел. финского и немецкого населения. Подробная хроника депортации российских немцев была составлена А. А. Германом: Хроника депортации российских немцев / сост. проф. Аркадий Герман [электронный ресурс]. URL: http://www.rusdeutsch.ru/?news=1513&date_b=27.08.2009&z=1 от 27.08.2010 г.; или http://www.widerstrahl.org/index.php?option=com_content&view=article&id=153:2011-08-21-11-12-51&catid=21:1&Itemid=156 от 21.08.2011.

Рис. 4. Размещение немецкого населения на Алтае по итогам всесоюзной переписи населения 1959 г. Карты-схемы (см. приложение, рисунки 4–8) составлены по данным, взятым из кн.: Коровушкин Д. Г. Немцы в Западной Сибири: Расселение и численность в конце XIX – начале XX века. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. – табл. 14, С. 106–108.

линградской областях». Действие инструкции распространялось на немцев других регионов. Как известно, депортациям подверглись российские немцы из Москвы, Московской и Ростовской областей (сентябрь 1941 г.); из Тульской области, Краснодарского и Орджоникидзевского краев, Северо-Осетинской и Кабардино-Балкарской АССР, восточных областей Украины (сентябрь–октябрь 1941 г.); из Воронежской области, Чечено-Ингушской и Дагестанской АССР, из Закавказья (октябрь 1941 г.) и других регионов вплоть до мая 1942 г. В конце войны и в первые послевоенные годы немцы попали в Сибирь с ранее оккупированных территорий в ходе послевоенной зачистки территорий Прибалтики, Молдавии, Западной Украины и Белоруссии. На территории Алтайского края среди депортированных немцев преобладают две группы: ростовские¹ и поволжские немцы, которые имели отличия в культуре и языке, так как этническое развитие первых происходило на территории Войска Донского в условиях казацко-крестьянской культуры, вторых – в полиэтническом Поволжье.

В Алтайский край немцы Поволжья поступили с 11 по 30 сентября 1941 г. По одним данным, в Алтай-

ском край с 11 по 30 сентября прибыло 99,4 тыс. чел. с размещением в 57 сельских районах и Ойротской АО (в Новосибирскую обл. – 124,7 тыс., в Омскую обл. – 83,5 тыс. чел., которых расселили в 60 районах) [25]. По-видимому, авторы исходили из принятого на совместном заседании бюро Алтайского крайкома ВКП(б) и Алтайского крайисполкома плана приема и размещения 95 тыс. эвакуированных по 58 районам края. По другим данным, в Алтайский край было направлено 81 123 немцев разного возраста, доехали 80 655 чел. (потери – 468 чел.), которых расселили по 47 районам края. Эшелоны с привозимыми немцами принимали на 14 станциях [29]. Общая численность депортированных в Алтайский край составила по разным данным от 100 303 [30] до 115 000 чел. [14]. В результате немцы фактически были расселены почти по всем районам Алтайского края. Таким образом, «насильственные депортации 1941 г. способствовали тому, что немцы увеличились численно, расселились дисперсно по всей территории края и отражали всю этнокультурную палитру российских немцев – львовские, поволжские, ростовские, прибалтийские и др. На Алтае из 8 десятков районов практически не было ни одного, где в годы войны не появились бы немцы. Это отразила перепись 1959 г. В 1959 г. районов Алтайского края с численностью немцев свыше 5 тыс. было 5 (Хабарский, Славгородский, Табунский, Благовещенский, Михай-

¹ Были выселены из Ростовской области указом от 18 сентября 1941 г. с дополнительным выселением после 29 мая 1942 г. в непосредственной близости от фронта.

Рис. 3. Районы Алтайского края, в которых проживало наибольшее количество калмыков (мужчины старше 18 лет) [14].

ловский). С численностью от 1 до 3 тыс. чел. было 27 районов, с численностью немцев от 100 до 1000 чел. В 1959 году их было 18» [31, с. 99]

Депортация калмыков с территории Калмыцкой АССР

Одной из самых трагических была депортация калмыков из-за потерь в результате переселения в Сибирь в самый разгар зимы. Историки подсчитали, что «большинство репрессированных народов, находясь на чужбине, сумело оправиться от демографического удара депортации и заметно приумножить свою численность. Исключениями тут являлись лишь балкарцы, немного не дотянувшие в 1959 г. до своей численности в 1939 г., но в особенности – калмыки, чья численность и в 1959 г. составляла лишь 78,9% от уровня 1939 г. Именно у калмыков зафиксирована максимальная среди репрессированных народов смертность: до 1 августа 1948 года их умерло 44125 чел.» [8, с. 156]. Их адаптация была самой трудной. В сравнении с другими калмыки были менее готовы и к природно-климатическим условиям Сибири, и к особенностям аграрного производства, в том числе скотоводства, и особенно к работе на лесозаготовках. Их вселение в сибирское общество осложняли и значительные отличия культуры и быта, и физические особенности [32].

Спецоперация «Улус» на территории Калмыкии проводилась 28–29 декабря 1943 г. Предполагалось выселить 115–120 тыс. чел. в Алтайский (35 тыс.) и Красноярский (30 тыс.) края, Омскую (35 тыс.) и Новосибирскую (20 тыс.) области [25]. «Первым захо-

дом, – пишет П. М. Полян, – было депортировано 91 919 чел. <...> За январь 1944 года к ним присоединилось еще 1014 чел. Между районами вселения они были распределены почти что поровну (данные на январь 1944 года): Омская обл. – 24 325, Красноярский край – 21 164, Алтайский край – 20 858 и Новосибирская – 18 333 чел.» [8, с. 121] По другим данным (из доклада Л. П. Берия И. В. Сталину в начале 1944 г.) было вывезено 93 139 чел. (26 359 семей) [33, с. 284].

Также разнятся и данные по депортации калмыков на территорию Алтайского края. По одним данным в Алтайский край было направлено 21 164 калмыка. Но, по данным В. Б. Убушаева, Алтайский край принял менее чем за неделю 12 железнодорожных эшелонов, расселив по 23 районам края 22 219 чел. (6167 семей) [34, с. 439] Первый железнодорожный эшелон № 416 прибыл 10 января, и первые 595 калмыцких семей (около 4500 чел.) были размещены в Славгородском, Знаменском, Кулундинском и Благовещенском районах. Последние эшелоны в Алтайский край подошли 16 января 1944 г. Именно в это время к железнодорожным станциям Зональная и Тальменка прибыли поезда № 392 и № 411. Высокая смертность сопровождала эшелоны с калмыцкими переселенцами. В Алтайском крае сразу по прибытии умерло 164 чел., а в пути следования – 314.

В конечном итоге прибывших на Алтай депортированных калмыков, так же как и предшествующих этнических депортантов, расселили по всей территории Алтайского края – в 24 районах по сов-

Рис. 4. Сельское кладбище с. Дружба Участок старого кладбища, где захоронены умершие в ссылке армяне. Только на одной армянской могиле сохранилась запись об умершем. Могильный камень установлен на захоронении Сукиасян Фроси Мамиконовны, которая умерла 07.07.1951 в возрасте 18 лет. Семья обвиненно в сепаратизме (связях с дашнаками) и расстрелянно в 1937 г. Мамикона Сукиасяна была выслана из Армении первоначально в Самарскую область, а затем в Алтайский край, в Чистюньский свеклосовхоз. Семья состояла из жены Мамикона, Марины Сагателовны, 1904 г. р., детей: Фроси Мамиконовны, 1927 г. р., Милкуш Мамиконовны, 1931 г. р., Жорика Мамиконовича, 1933 г. р., Грайра Мамиконовича, 1935 г. р. По данным Топчихинского ЗАГС, из этой семьи в 1951 г. умерла только Фрося Мамиконовна, все остальные в 1956 г. отбыли в Армению. О судьбе остальных депортированных армян сохранились записи в Топчихинском ЗАГС. <http://top-kraeved.ru/peresigirovannye-armjane-v-topchihinskom-rajone>.

хозам, колхозам, лесозаготовительным хозяйствам (в 16 районах Новосибирской и 20 районах Омской обл.). Наибольшее количество расселили в Алейском районе – 242 чел., Рубцовском – 229, Косихинском – 194, Троицком – 173, Павловском – 145, Третьяковском – 136, Славгородском – 78, Благовещенском – 65, Быстро-Истокском – 65 чел. [14, с. 61].

Послевоенные депортации армян с Армянской ССР, Краснодарского края и с других территорий

По депортациям армян можно воспользоваться данными историков России и Армении, реализовавших в 2016–2017 гг. российско-армянский проект «Армянская депортационная кампания 1949 г. и ее отражение в исторической памяти» (рук. – д-р ист. наук, проф. Н. Н. Аблажей). В результате депортации 14 июня 1949 г., проведенной на территории советских республик – Армении, Грузии, Азербайджана и Краснодарского края РСФСР, – в Алтайский край и Нарым были высланы как «дашнаки» и «турецко-подданные» более 16 тыс. этнических армян. Проходила она в русле спецоперации, известной как «депортация греков». Но в общей численности (57,5 тыс. чел.) доля этнических греков не превышала половины; армяне были второй по численности депортированной этнической группой. Депортация проходи-

ла в череде других послевоенных кампаний по борьбе с националистическим подпольем и необходимостью ускоренной советизации на западных и закавказских территориях СССР.

По данным исследователей, прибывшие в начале июля 1949 г. из Армении, Грузии, Азербайджана и Краснодарского края 3837 армянских семей были взяты на учет 40 спецкомендатурами, т. е. каждой четвертой, которые были созданы в конце войны на территории Алтайского края. Армян разместили на территории 27 районов края. Согласно суммарным данным, численность высланных с Кавказа составила 3837 семей, или 15 700 чел. [35, с. 8–9] Лидерами по приему армян были западная переселенческая полиэтническая зона: Славгородский район – 1479 чел. (321 семья) и соседний Бурлинский район – 1313 чел. (30 семей), а также юго-западный переселенческий Угловский район – 1325 чел. (302 семьи). В восточной старожильческой зоне лидером районам являлось Причумышье – зона массовых лесозаготовок: Сорокинский район – 1470 армян, 305 семей; Залесовский – 493, 145. Бийское Приобье было районом развитого сельского хозяйства: Бийский и Зональный районы – 490 чел., 125 семей [36]. В остальных районах расселение было следующим: Алейский – 144 семей (633 чел.); Баевский – 236 (991); Благовещенский – 124 (441); Змеиногорский – 59 (297); Знаменский – 223 (1041); Калманский – 187 (608); Косихинский – 63 (211); Краюшкинский – 98 (315); Локтевский – 54 (271); Павловский – 29 (135); Парфеновский – 16 (50); Поспелихинский – 155 (703); Родинский – 174 (585); Рубцовский – 151/605; Суетский – 61 (274); Топчихинский – 47 (168); Третьяковский – 24 (129); Троицкий – 122 (487); Усть-Калманский – 172 (668); Шипуновский – 62 (233); Яминский – 70 (280) [35, с. 8–9].

Послевоенные операции. Депортации молдаван, гагаузов и других народов с территории Молдавской ССР

Одновременно с армянами (постановление Совета министров СССР от 6 апреля 1949 г. № 1290-467 сс) в крае расселялся молдавский спецконтингент. Полевые исследования показывают: вопреки утверждению исследователей, что «спецпереселенцы из Молдавии практически не вселялись в районы расселения армян» [37, с. 120], в устных свидетельствах встречаются воспоминания об армянах и молдаванах в одном селе.

Ночью 6 июля 1949 г. началась массовая депортация жителей Молдавской ССР в Сибирь и Казахстан (началась в ночь на 6 июля и завершилась в 8 вечера 7 июля). Насильственное выселение из МССР людей разных национальностей – молдаван/румын, украинцев, гагаузов, болгар, евреев и др., носило название «Операция „Юг“». Прошла она под знаменем борьбы с «кулаками», зажиточными крестьянами. Всего было выселено 35 796 чел., из них 9864 мужчины, 14 033 женщины и 11 889 детей [38]. По другим данным, в Курганскую, Тюменскую, Иркутскую, Кемеровскую обл., Алтайский и Хабаров-

ский края и в Бурят-Монгольскую АССР депортировалось 40 850 чел. [25]

На 1 января 1953 г.: в Алтайском крае числилось 4262 чел.; в Курганской области — 13 447 чел., в Тюменской — 7765, в Иркутской обл. — 3397, в Бурят-Монгольской АССР — 2718, в Кемеровской обл. — 1368, в Амурской — 989, в Хабаровском крае — 911, в Казахской ССР, в Киргизской ССР, в Узбекской ССР, в Якутской АССР, в Красноярском крае, Пермской и Омской областях вместе взятых — 97, всего 34 954 чел. [39, с. 28]. Так же как и других депортированных, молдаван и гагаузов распределили по сельским хозяйствам враспыленную. Например, по одной из групп депортированных из Молдавии известно, что прибывших 1772 семей 596 были расселены и трудоустроены в колхозах, 516 — в совхозах и 60 семей — в тресте «Горноалтайзолото» МВД [40, с. 516, 526].

Заключение. Таким образом, анализ депортаций на территорию Алтайского края показывает, что в составе ссыльнопоселенцев в регион массово прибыли литовцы, поляки, украинцы, белорусы, молдаване, гагаузы, греки, немцы, калмыки, армяне, и есть информация о болгарах, греках, чеченцах. Их численность и порайонно-поселковое распределение еще предстоит более детально реконструировать, так же как определить число тех, кто остался на территории Алтайского края. Наиболее доступные источники, переписи 1939 и 1959 гг., могут лишь косвенно говорить о том, что часть депортируемых не вернулась по разным причинам, чаще всего, как показывают полевые исследования, — из-за вступления в брак с местным населением. Но так или иначе состав и численность ряда народов Алтайского края после реабилитации 1956 г. отличалась от показателей 1939 г. Больше всего это заметно по численности немцев, которых по переписи 1939 г. было 33 203, а по переписи 1959 г. — 143 074 чел., т. е. в 4,3 раза больше, затем калмыков — 37 и 1732, т. е. в десятки раз, литовцев — 114 и 1614, молдаван — 211 и 920, армян — 301 и 1645, болгар — 74 и 423, греков — 54 и 187, финнов — 82 и 234, поляков — 1020 и 1423, корейцев — 128 и 369 [28].

Особенностью принудительных этнических переселений было прежде всего размещение ссыльных небольшими группами в составе нескольких семей в городах и в сельских населенных пунктах с подселением в жилые дома местного населения. При этом

расселение охватило практически все районы и поселения Алтайского края. Это быстро вело к установлению повседневных межличностных контактов. Включение депортируемых в жизнь сельских обществ ускорило использование их труда в общественном производстве. Исследование показывает, что приоритет в распределении трудовой силы отдавался государственным предприятиям — лесозаготовки, Заготскот, Заготзерно, совхозное производство. Но и колхозы получали на подселение группы прибывающих депортантов. Дисперсное расселение сформировало особую социокультурную и психологическую ситуацию в населенных пунктах и несомненно, в той или иной степени, наложило отпечаток на культуру, быт и поведение сибирского сельского населения. Эти аспекты еще предстоит изучить. И самым информативным источником в решении этих вопросов является память.

Т. К. Shcheglova

Ethnic deportations to Altai krai: stages, structure, numerical strength, peculiarities of distribution (the years 1939–1956)

Annotation. The article considers involuntary ethnic deportations during special operations to the territory of Altai krai from the European part of the USSR in the context of the national state repressive deportation policy in pre-war, war and post-war periods. The author finds out the structure and numerical strength of deportees, the time of deportation and the places of quartering in Altai krai. It is underlined that the peculiarity of deportation settlements was dispersive distribution of deportee families along the area of the region including almost all the territories and rural settlements of the region. The main method of solving the problem of settlement at the places of deportation was sharing the local people dwellings by means of their compacting. It is supposed that the polyethnic structure of the migrants, deported as politically unreliable or guilty with their settling in urban and rural communities created a special situation in the everyday life of Siberian community. The author comes to the conclusion about the necessity of studying host rural and urban communities of Altai krai as well as Siberia in general, their adaptation to new conditions and factors, determined by deportation, its influence on the culture, everyday life, life conditions and life sustaining practices of Siberian communities in extreme conditions. **Keywords:** *deportation operations, ethnic deportees, numerical strength, structure, rural community, peculiarities of quartering and distribution*

Источники и литература

1. Шайдуров В. Н. Формирование и социально-экономическое развитие немецкой диаспоры на Алтае (конец XIX — начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2001. 21 с.
2. Семья и семейный быт украинского сельского населения Западной Сибири в конце XIX — XX веке: монография / Н. С. Грибанова и др. Барнаул: АлтГПУ, 2017. 305 с.
3. Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры: монография / отв. ред. Е. Ф. Фурсова. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии, 2011. 423 с.
4. Овчарова М. А. Мордва Алтая: история и этнокультурные процессы (XIX — начало XXI века): монография / отв. ред. И. В. Октябрьская. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. 227 с.
5. История Алтая в 3 т. Т. 3. Алтай в новейшую эпоху (XX — начало XXI века) / под общ. ред. Е. В. Демчик. Барнаул Изд-во Алт. ун-та, 2019. 483 с.

6. Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М., 2003. 306 с.
7. Иосиф Сталин – Лаврентию Берию: «Их надо депортировать»: документы, факты, комментарии / сост. Н. Бугай. Москва: Дружба народов, 1992. 288 с.
8. Полян П. М. Не по своей воле: история и география принудительных миграций в СССР. Москва ОГИ, 2001. 328 с.
9. Бруль В. И. Немцы в Западной Сибири. В 2-х ч. Топчиха, 1995. 192 с.
10. Аблажей Н. Н. С чужбины на чужбину... Армянские иммигранты в алтайской ссылке (1949–1958 гг.). Новосибирск: Наука, 2018. 320 с.
11. Депортация армян 14 июня 1949 года: сборник документов и материалов / сост. Н. Н. Аблажей; отв. ред. Н. Н. Аблажей, Г. Харатян. Новосибирск: Наука, 2016. 227 с.
12. Красильников С. А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. Москва РОССПЭН, 2003. 344 с.
13. Иванов А. С. Изъять как антисоветский элемент: Калмыки в государственной политике (1943–1959 гг.). М., 2014. 294 с.
14. Немцы в Сибири: по документам НКВД, МГБ, МВД СССР 1943–1956 гг. Спецпоселенцы. Военнопленные. Эшелонные списки. Картотека. Военнопленные японцы сб. док. / А. Г. Сыщенко, В. А. Сыщенко, Г. А. Сыщенко. Барнаул Алт. дом печати, 2007. 623 с.
15. Гучинова Э.-Б. М. Нация и дискурс вины: примирение с прошлым в политике памяти калмыков. Штутгарт: Ab Imperio, 2004. 263 с.
16. Харатян Г. С. Политика покорения памяти, или «приказано забыть»: превращение памяти в социальную и семейную «тайну» и оружие против носителей памяти (на примере Геноцида армян) // Устная история в современной исследовательской практике на постсоветском пространстве сб. науч. ст. / отв. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул: Алт. гос. пед. ун-т, 2017. С. 126–155.
17. Казбекова А. Т. Взаимоотношения местного населения и спецпереселенцев-чеченцев по устным источникам (на примере Восточно-казахстанской области) // Полевые исследования на Алтае, в Прииртышье и Верхнем Приобье (археология, этнография, устная история). 2017 г. Вып. 13 Материалы XIII междунар. науч.-практ. конф. Горно-Алтайск, 24–27 апр. 2018 г. Горно-Алтайск: БИЦ ГАГУ, 2018. С. 131–137.
18. Этот день в истории: 1948 год – в Литве началась операция «Весна» МГБ СССР // Информационное агентство EADaily [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2018/05/23/etot-den-v-istorii-1948-god-v-litve-nachalas-operaciya-vesna-mgb-sssr> (дата обращения: 08.09.2020).
19. Широкопад А. Б. Прибалтийский фугас Петра Великого. Глава 29. Война после войны // Интернет библиотека. [Электронный ресурс]. URL: http://www.xliby.ru/istorija/pribaltiiskii_fugas_petra_velikogo/index.php (дата обращения: 08.09.2020).
20. Операция «Весна». Как депортировали литовцев // Яндекс Дзен [Электронный ресурс]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/leta/operaciia-vesna--kak-deportirovali-litovcev-5ecc8be9d09ebe58a38f4a4d> (дата обращения: 08.09.2020).
21. Щеглова Т. К., Гоппе А. А. Депортации и репрессии как фактор развития свекловодства в Алтайском крае на примере Чистюнькинского свеклосовхоза: по материалам историко-этнографической экспедиции (июль 2018 г.) // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). 2018 г. Вып. 14: материалы XIV междунар. науч.-практ. конф. Барнаул, 22–23 мая 2019 г. / под ред. М. А. Демина, Т. К. Щегловой, Н. С. Грибановой. Барнаул: АлтГПУ, 2019. С. 354–368.
22. Гуршоева Т. В. Спецпоселенцы из Западной Украины на поселении в Иркутской области в 1940-е годы // Миграционные последствия Второй мировой войны: этнические депортации в СССР и странах Восточной Европы сб. науч. ст. / отв. ред. Н. Н. Аблажей, А. Блюм. Новосибирск: Наука, 2012. С. 16–22.
23. Сталинские депортации. 1928–1953 гг.: сб. док. / сост. Н. Л. Поболь, П. М. Полян. Москва Материк, 2005. 904 с.
24. Папков С. А. Сталинский террор в Сибири. 1928–1941: монография. Новосибирск Изд-во Сиб. отделения Рос. акад. наук, 1997. 271 с.
25. Красильников С. А., Сарнова В. В. Депортация // Историческая энциклопедия Сибири [Электронный ресурс]. URL: <http://sibhistory.edu54.ru/%D0%94%D0%95%D0%9F%D0%9E%D0%A0%D0%A2%D0%90%D0%A6%D0%98%D0%AF> (дата обращения: 08.09.2020).
26. История сталинского ГУлага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собр. док. в 7 т. Т. 1. Массовые репрессии в СССР / отв. ред. Н. Верт, С. В. Мироненко, отв. сост. И. А. Зюзина. Москва РОССПЭН, 2004. 728 с.
27. Сарнова В. В. Ссылнопоселенцы из республик Прибалтики на территории Западной Сибири в 1941–1945 гг. // Миграционные последствия Второй мировой войны: депортации в СССР и странах Восточной Европы: сб. науч. ст. Вып. 2 / Новосиб. нац. исследоват. гос. ун-т; отв. ред. Н. Н. Аблажей, А. Блюм. Новосибирск: Наука, 2013. С. 152–172.
28. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Национальный состав населения по регионам России // Демоскоп Weekly [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php?reg=1 (дата обращения: 08.09.2020).
29. Герман А. А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. Москва «МСНК-пресс», 2007. 576 с.
30. Ремпель П. Б. Депортация немцев из Европейской части СССР и трудармия по «совершенно секретным» документам НКВД СССР 1941–1944 гг. // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения. Москва Готика, 1996. С. 69–96.
31. Щеглова Т. К. Народы Алтая в прошлом и настоящем: численность, размещение, этнокультурный состав, этноконтактные зоны // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2015. № 23. С. 97–107.
32. Щеглова Т. К. Антропология экстремальности: социальная и культурно-бытовая адаптация этнических депортантов (1939–1949 годы) и принимающего сельского общества на юге Западной Сиби-

- ри в контексте принудительных переселений // Мир Большого Алтая 2019. Т. 5. №2. С. 197–231.
33. Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявление в годы Второй мировой войны. Москва, 2000. 862 с.
34. Убушаев К. В. История и география принудительной миграции народов юга России в Восточные регионы СССР в 1940-е годы // Великие евразийские миграции: материалы Междунар. науч. конф., 11–14 октября 2016 г. / редкол.: В. И. Колесник (отв. ред.) и др. Элиста Калмыцкий гос. ун-т им. Б. Б. Городовикова, 2016. С. 437–446.
35. Аблажей Н. Н. Реконструкция поселенческой системы армянской ссылки на Алтае методами традиционной и устной истории // Устная история в современной исследовательской практике на постсоветском пространстве сб. науч. ст. / отв. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул: Алт. гос. пед. ун-т, 2017. С. 7–21.
36. Щеглова Т. К. Принимающий алтайский социум и депортированные армяне в контексте перманентных репрессий и депортаций 1930–1940-х гг.: образы и культурное взаимодействие // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 2 (37). С. 137–145.
37. Аблажей Н. Н. Репатриация и депортация армян во второй половине 1940-х годов // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. «История, филология». 2011. Т. 10. Вып. 1. С. 116–121.
38. Бугай Н. Ф. «Выселение произведи по распоряжению Берии...» О депортации населения из Молдавской ССР в 40–50-е годы // Исторические науки в Молдавии. 1991. № 1.
39. Царанов, В. И. Операция «Юг» (О судьбе зажиточ. крестьянства Молдавии). Кишинев, 1998. 101 с.
40. Пасат В. И. Трудные страницы истории Молдовы 1940–1950 гг. Москва Терра, 1994. 800 с.

